

Зрачки Бай Юя сжались. В следующее мгновение перед глазами потемнело, мир перевернулся — его швырнули на кровать. Фу Юй, обмотавший бёдра полотенцем, с обнажённой грудью, по которой стекали капли воды, с мрачным лицом опустился на одно колено на матрас и, возвышаясь над ним, смотрел сверху вниз.

Он был в ярости.

Высокомерие Альфы — в их генах. И чем выше ранг, тем глубже оно въедается в кровь.

В первый раз Бай Юй выпрыгнул в окно. Во второй — оглушил его и снова сбежал... Снова и снова — побег. Снова и снова — вызов, брошенный достоинству и пределам Альфы.

Насыщенные, густые феромоны обрушились лавиной. На несколько секунд Бай Юй почти потерял сознание — тело вспыхнуло жаром, захлестнутое нестерпимым желанием. Когда он едва сумел прийти в себя, его халат уже соскользнул с плеч, он оказался в объятиях Альфы. Губы саднило от жадных поцелуев, язык был втянут в вынужденное сплетение, во рту проступил едва уловимый металлический привкус крови.

Рука Альфы скользнула под ослабевший пояс.

Нет... нельзя. Ни за что нельзя!

Дыхание Бай Юя дрожало и рвалось. Он попытался оттолкнуть Фу Юя, но силы были несоизмеримы — тот даже не шелохнулся. Стиснув зубы, Бай Юй решился и едва заметно шевельнул языком, будто отвечая на поцелуй.

Грабёж, до этого односторонний, внезапно встретил отклик. В ярости пылающее сердце Альфы на миг смягчилось, будто капля мёда растеклась по груди; буря чуть утихла. Объятия ослабли, и — возможно, это была лишь иллюзия — поцелуй стал мягче, в нём проступила тень нежности.

Ресницы Бай Юя дрогнули — чёрные, густые, на бледном лице они напоминали крылья двух бабочек.

Рука на его талии замерла. Казалось, Фу Юй наслаждается этим поцелуем.

И в это самое мгновение Бай Юй собрал все силы и резко оттолкнул его. В ошеломлённом взгляде Альфы он стремительно перевернулся, вытащил из тайника у изголовья инъектор подавителя.

Экстренный препарат приводился в действие одним движением — стоило лишь снять защиту. Бай Юй выдернул последнюю ампулу и, не раздумывая, уже собирался вонзить иглу в руку.

Но острый кончик ещё не коснулся кожи — запястье сжала чудовищная сила. Кости болезненно хрустнули, инъектор вырвали и легко швырнули на пол.

Бай Юй инстинктивно рванулся следом, пытаясь поднять его, но, едва соскользнув с кровати, почувствовал, как хватка усилилась — его рывком вернули обратно. Он столкнулся с парой чёрных глаз, полыхающих гневом.

Лицо Альфы было пугающим — привычная сдержанность исчезла, осталась лишь кипящая ярость. Сквозь стиснутые зубы он процедил:

— За один день столько инъекций... Жить надоело?

Подавители, которые использовал Бай Юй, были с чёрного рынка — сомнительного происхождения, с чрезмерной силой действия. Обычному Омеге достаточно одной ампулы на три дня, и то организму требовалось полмесяца, чтобы полностью её вывести. А он — две за сутки.

Лишь потому, что Бай Юй долгие годы колот себе псевдо-А-препарат и выработал ненормальную устойчивость к медикаментам, его тело ещё выдерживало.

Но этот гон уже нельзя было подавить уколами. В последние недели у него отобрали псевдо-А препарат, он перестал его принимать. Каждую ночь Фу Юй, с которым у него была поразительно высокая совместимость, вытаскивал его из постели и обнимал до утра. Долгие годы иссушенные железы, напитанные феромонами Альфы, ожили и затрепетали; подавляемый столько лет гон, словно пружина, сжатая до предела, наконец сорвался.

Потеря аппетита. Необъяснимо возросшее влечение. Всё это — тело готовилось к неизбежному.

Бай Юй ничего не понимал, пребывая в растерянности. А Фу Юй видел всё — и даже с нетерпением ждал выражения на лице своего всегда холодного и собранного старшего брата, когда тот осознает, что его гон прорвался.

И всё же Бай Юй, не колеблясь, собирался снова вонзить в себя иглу.

Фу Юй давно не испытывал такой ярости.

Он и сам не мог понять — бесило ли его то, что Бай Юй предпочёл бы калечить себя, лишь бы не позволить ему помочь пережить гон, тем самым задев его гордость Альфы... или же то, что Бай Юй так безрассудно пренебрегал собственным телом.

Феромоны Омеги в период гона тоже влияют на Альфу. Но из-за ярости Фу Юй внезапно вырвался из охватившего его жара желания.

Гон Бай Юя уже достиг пика. И в этот момент феромоны Фу Юя, напитанные гневом, обрушились на него с новой силой.

Сдерживаемый из последних сил жар вновь поднялся, захлестнул, смёл остатки контроля. Под воздействием феромонов Альфы сознание взорвалось белым шумом, даже лёгкое прикосновение отзывалось дрожью. Дыхание Бай Юя стало прерывистым, хриплым. Горло пересохло, но тело, вопреки этому, предательски налилось влажным жаром, о котором невозможно было говорить вслух.

Его тело уже подготовилось ко всему, что приносит гон.

Густой аромат тёмной орхидеи наполнил спальню.

Последняя искра ясности в его глазах погасла. В его обычно спокойном голосе прорезалась едва слышная нота плача:

— Ты...

Лицо Омеги было залито пьянящим румянцем. Он лежал под ним — покорный, но всё ещё слишком сдержанный.

Фу Юй холодно смотрел на него... и вдруг отстранился.

Он не стал утешать его.

Когда Альфа отступил, Бай Юй замер в растерянности. Его сознание плыло, тонуло в пылающей клетке гона. Их стопроцентная совместимость заставляла его инстинктивно тянуться к Альфе рядом. Он не понимал, почему тот ушёл. Он поднял руку, пытаясь удержать его, пальцы сомкнулись на крепком предплечье Фу Юя.

Но Альфа был беспощаден. Сил Бай Юя было слишком мало. Даже вложив всё, он не смог удержать его. Ногти лишь скользнули по коже, оставив лёгкую царапину.

Словно кошка оцарапала.

Фу Юй смотрел на его влажное от пота горло, взгляд темнел. Клыки зудели — хотелось наклониться и яростно впиться в него. Но его гордость всё ещё кровоточила, и он сдержался.

Хотя тело давно откликнулось, лицо Фу Юя оставалось холодным. В его выражении проступила жестокая насмешка.

— Проси меня.

Подгоняемый неудовлетворённым инстинктом, Бай Юй разомкнул губы. Его голос был хриплым:

— ...Пожалуйста.

Он никогда не был таким послушным.

— Я сказал — проси, — кадык Фу Юя дрогнул, но на губах всё ещё играла жестокая усмешка.

— Брат... сейчас я не так сговорчив. Ты меня разозлил.

От этого обращения тело Бай Юя едва заметно вздрогнуло. На мгновение сознание вернулось.

Это была месть.

Мсть за всё — за побеги, за вызовы, за раненую гордость и подорванный авторитет.

Фу Юй неторопливо наблюдал за ним:

— Скажи что-нибудь приятнее. Стоит тебе только сказать, и я...

Он не договорил.

Бай Юй вдруг поднял руку и закрыл покрасневшие глаза, тяжело дыша. Его обычно бледные губы теперь были влажными и яркими, как лепестки цветка. Грудь и живот, вздымаясь при

каждом вдохе, покрылись лёгким румянцем — словно волны, окрашенные закатным светом. От него невозможно было отвести взгляд.

Голос Фу Юя сорвался. Он облизнул уголок губ.

Он хотел поцеловать его.

Стоило Бай Юю лишь немного уступить... пусть даже потому, что в гоне он не владел собой — Фу Юй был готов забыть всё.

Но в следующий миг Бай Юй резко вдохнул, затем внезапно перевернулся и сел, собираясь встать с кровати.

Фу Юй не ожидал, что он всё ещё способен сопротивляться. Он мгновенно схватил его:

— Куда ты собрался?

— Если не хочешь — убирайся, — голос Бай Юя был холоден. Он опустил голову, мокрые от пота пряди прилипли к шее, делая её ещё более утонченной, словно выточенной из нефрита. — Я найду кого-нибудь другого.

Фу Юй почти рассмеялся от злости:

— И кого же?

Бай Юй вдруг поднял глаза и посмотрел на него из-под лба. Взгляд был влажным, уголки глаз покраснели. Он легко, почти небрежно произнёс:

— Тан Сюя.

Собственнический инстинкт Альфы вспыхнул мгновенно. В голове Фу Юя будто что-то взорвалось. Он резко притянул его к себе и, стиснув зубы, впился в его губы:

— Даже не мечтай!

<http://bllate.org/book/14965/1500067>